

Школа как часть судьбы.

Когда на последнем звонке я вышла на сцену, чтобы сказать теплые слова школе на прощанье, и начала говорить, то очень скоро поняла, что не смогу этого сделать: слезы душили меня, и мне ничего не оставалось, как только выбежать со сцены. Вернее, я успела сказать, что раньше мы были учениками, а теперь, пока мы сдаем экзамены и еще никуда не поступили, мы – никто. Я очень ярко представила себе это «никто» и мне стало страшно...

Жизнь вышла из привычной колеи, и от этого сразу наступил дискомфорт. Очень жаль было прощаться с одноклассниками, учителями, школой и всей жизнью, с ней связанной. Казалось, что так хорошо уже не будет никогда.

Все впервые...

Я училась в этой школе с первого по десятый класс, с 60 по 70 год. Помню, в первом классе у нас была учительница Мария Федоровна. Она ходила в белых бурках и синем строгом костюме. Костюм всегда был такой же строгий, как и она сама. Она никогда не улыбалась и только очень строго спрашивала с нас. Мы ее ужасно боялись.

Несмотря на старания моего папы, у которого был каллиграфический почерк, выработать у меня что-нибудь подобное, я писала неважно и по чистописанию у меня была то четверка, то тройка. По этой причине меня однажды оставили после уроков в углу. А это была зима, темнело рано. Учительница вышла из кабинета, а я решила посмотреть в проверенных только что тетрадках свою оценку. Как только я нашла свою тетрадку и развернула ее, вошла учительница. Я окаменела и готова была провалиться сквозь землю.

Мария Федоровна убийственно на меня посмотрела и не менее убийственно что-то мне сказала. Я этого уже не слышала, поскольку мысленно готовилась к самой ужасной расправе. Расправа наступила в виде записи в дневнике, вызове родителей и прочее. После чего я заявила родителям, что больше ни за что не пойду в этот класс к этой учительнице, и меня на мое счастье перевели в другой класс.

*Григорьева
Зинаида Николаевна*

Там была учительница Зинаида Николаевна. Я ее полюбила сразу и навсегда. Она меня тоже. На всех классных фотографиях я оказывалась рядом с ней. Я была ее самым исполнительным помощником: командиром звездочки, отличницей, ответственной за соревнование между звездочками по успеваемости. Мне было поручено каждый день закрашивать кирпичики в домах, которые отражали нашу успеваемость. Это была моя почетная обязанность, которая говорила о доверии ко мне как к личности.

А когда построили 68-ю школу, и нас по месту жительства стали туда переводить учащихся, я наотрез отказалась уходить из школы, мотивируя это невозможностью жить без нее. И меня оставили.

Дальше было проще

Потом был пятый класс и разные учителя, классным руководителем у нас была Надежда Назаровна Маркова, математик. Она была строгой, непослушным мальчишкам и двоечникам от нее сильно попадало, но она была справедливой и поэтому на нее никто не обижался.

В классе сколотился костяк девчонок (6-7 человек), которые хорошо учились в школе, занимались где-то дополнительно: в музыкальной школе,

*Маркова
Надежда Назаровна*

балетной студии или еще где-то.

*Браславская
Мария Михайловна*

Потом к нам примкнули мальчишки, и стало совсем весело. Мы вместе играли в казаки-разбойники, в «снайпер», в волейбол. Зимой катались на санках с многочисленных горок, на коньках на катке стадиона «Водник» за нашей школой. Вечером там горели яркие огни и играла музыка.

Весной и осенью мы часто ходили на Столбы и ездили к кому-нибудь на дачу, либо в Петряшино, либо в Маганск.

Историю у нас преподавала Мария Михайловна Браславская, она была хорошим, умным педагогом, всегда очень серьезно относилась к своему предмету. На уроках обществоведения она добросовестно объясняла нам то, что по решению, не помню какого съезда КПСС, через 20 лет мы уже будем жить при коммунизме. И мы в уме подсчитывали, сколько примерно нам будет лет. Оказывалось, что лет 36-37. Отдельные личности, вроде меня, не верили в торжество коммунизма в столь сжатые сроки и вступали в полемику с преподавателем, но Мария Михайловна наши вылазки подобного рода разбивала своей железной исторической логикой.

*Ааб
Клара Вильгельмовна*

Простите нас...

Не учить историю было неприлично. Другое дело – физика, особенно для тех, кто уже знал, что будет гуманитарием. Учительница физики Клара Вильгельмовна Ааб была очень добрым, незлобивым человеком. Многие нам прощала, а мы (стыдно об этом вспоминать) доводили ее до белого каленья своим баловством на уроках.

Сравнительно недавно я узнала, что родители Клары Вильгельмовны как немцы из Поволжья были высланы в Сибирь в начале войны, страшно бедствовали. Когда она была на практике, учась в лесотехническом институте, ей оторвало руку. Она жила с одной рукой и обслуживала не только себя, но и маленькую дочку.

Теперь, когда я сама стала взрослой да еще и учителем, вспоминаю о наших шалостях на уроках физики с чувством вины перед Klarой Вильгельмовной.

*Автушко
Иван Александрович*

Иван Александрович.

Самой значительной, как сказали бы теперь, **знаковой** фигурой всей нашей школьной жизни был, конечно, Иван Александрович Автушко – директор школы на протяжении тридцати лет. Авторитетом он пользовался непререкаемым и среди учеников, и среди родителей, и среди педагогов. Боялись мы его как огня, даже в старших классах. Всех, кто пришел без галстука или сменки без разговоров отправляли домой. То, что он постоянно следил за длиной форм у девочек и длиной волос у мальчиков, это мелочи.

Он старался привить нам всем нормы поведения и морали, которые тогда казались старомодными, а потом выяснилось, что они не стареют никогда и всегда востребованы. Например, он сам ходил в шляпе и в знак приветствия кого-нибудь всегда приподнимал ее. Того же он требовал и от мальчишек. Они по этому поводу очень веселились.

Или у него было принято жать при встрече руку молодым людям, окончившим школу, но никак не раньше. Поэтому наши парни по окончании школы старались попасть ему на глаза, чтобы поздороваться с директором за руку. Это было признанием того, что ты стал взрослым и достойным человеком.

В годы нашей учебы в школе были очень популярны смотры художественной самодеятельности. Сразу после зимних каникул начинались репетиции хоров (их было несколько). Был отдельно хор мальчиков 6-7 классов, и 8-10, был и большой сводный хор.

Иван Александрович, не щадя живота, боролся за то, чтобы все посещали репетиции, для этого принимались различные меры воздействия, вплоть до закрытия на ключ раздевалок. Но самые прыткие убегали и без одежды.

Педагогический коллектив школы. 60-е годы

присутствовал на всех концертах нашей школы, было «чувство глубочайшего удовлетворения», выражаясь партийным языком семидесятых.

Он был историком по образованию, коммунистом, фронтовиком, прошедшим войну, что называется, от звонка до звонка. Ему не раз предлагали партийные и государственные должности, предлагали и работу в КГБ, но Иван Александрович всегда отказывался, хотя мог бы сделать блестящую карьеру. Но школа стала главным делом его жизни. В этом он видел цель и смысл своей жизни.

Он работал до последнего дня своей жизни, правда уже в 29-й школе: умер по дороге домой с работы. Хоронили его из сороковой школы, в которой он проработал тридцать лет. очевидцы рассказывают, что школьный двор и улица Вавилова не вмещали всех, кто пришел проститься с Иваном Александровичем, школа была переполнена людьми, венками и цветами. Его бывшие ученики несколько раз обнесли на руках гроб с телом директора вокруг школы, чтобы он мог проститься с любимым детищем.

Все бывшие ученики запомнили Ивана Александровича навсегда.

Учителя младших классов возлагают цветы к памятнику М.Ю. Лермонтову

неоднократно вспоминала эти беседы о том, что надо вести себя достойно и старалась следовать этому.

Два десятка лет я жила в другом городе, потом было как-то не с руки заходить в некогда родную школу: в ней работали уже другие люди. Незнакомые. И вот в прошлом году я переступила заново ее порог. Волновалась, потому что не знала, какова будет реакция моего организма. Реакция была

Несмотря ни на что, к назначенному сроку всегда все номера были готовы: кроме знаменитых хоров обязательно были народные танцы, иногда и балет, соло на фортепиано или скрипке, и обязательно художественное чтение. Вела эти смотры и читала стихи как правило я, поскольку уже несколько лет занималась этим во Дворце пионеров.

Лучшие номера со школьных смотров шли на район, а потом на город. Районные смотры проводились в ДК Маяковского, туда было попасть еще сложнее, только по пригласительным билетам. На районные смотры отбирало номера очень строгое жюри, от нашей школы, как правило, было больше всех номеров, что нас очень радовало. Всегда везде хвалили наши знаменитые хоры.

На лице Ивана Александровича, который всегда

А еще у нас было...

Был у нас в школе замечательный кабинет домоводства, где теперь столярка. Нас учили шить фартуки и ночные рубашки, правильно делать выкройки, разделявать селедку, печь пирог и делать вкусные салаты. В жизни это тоже очень пригодилось.

С нами постоянно проводили беседы на предмет, где и как себя вести. Например, классный руководитель Надежда Назаровна нередко беседовала с мальчиками и девочками отдельно. Нам, девочкам она говорила, что мы должны вести себя достойно. И повторяла это, иллюстрируя различными примерами из жизни довольно часто. Кто-то пропускал эти беседы мимо ушей, иронизировал по этому поводу, а кто-то слушал и «мотал на ус». Как ни странно, через много лет я

нормальная: учащенное сердцебиение и воспоминания, воспоминания, которые оживляют целые картины из прошедшей юности.

*О.Л. Подборская - выпускница 40-й школы 1970 года,
руководитель школьного музея «Моя малая Родина»*